

DOI: 10.31696/S086919080039162-5

ИРАНСКИЙ КРИЗИС (ДЕК. 2025 – МАРТ 2026) И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

© 2026

Г.И. ЮЛДАШЕВА ^а

^а – Координационно-Методический Центр новейшей истории Узбекистана при Академии наук
Республики Узбекистан
ORCID: 0000-0001-9979-0329; guli_57@mail.ru

Резюме: В статье изучаются основные причины и факторы кризиса внутри и вокруг Исламской Республики Иран в период с декабря 2025 по март 2026 г., недавно начатой войны США и Израиля против Исламской Республики, политические и экономические последствия и влияние данного процесса на регион Центральной Азии. В условиях сложной международной ситуации, находящейся на грани глобальной катастрофы, отсутствует единая позиция о перспективах развития Исламской Республики. Вместе с тем очевидно, что будущее нового миропорядка зависит от итогов данного кризиса и соответственной стратегии заинтересованных держав. В этой связи особое внимание уделено взаимодействию и взаимовлиянию внутренних и внешних факторов в развитии Ирана, включая особенности этно-национальной, историко-культурной и религиозной идентичности, экономического развития страны. По мнению автора, проблема выживания и дальнейшего упрочения исламского режима после завершения войны в условиях сохраняющегося многолетнего недовольства масс методами правления страны неизбежно потребует ускорения и углубления процесса преобразований, движения правящего режима в сторону большей открытости и светскости; в любом из возможных случаев страны Центральной Азии (ЦА) сталкиваются со множеством экономических и политических проблем с негативным потенциалом воздействия на нынешнее состояние и перспективы развития региона ЦА. С учётом сказанного, избранные методы включают системно-стратегический, конструктивистский и экономический подходы с основой на эмпирические данные. Анализ политических процессов внутри и вокруг Исламской Республики в изучаемый период, использование последних данных и теоретических подходов, многоуровневый подход определяют оригинальность статьи. Результаты исследования демонстрируют, что вопреки всему исламский режим пока достаточно устойчив и способен оказать сопротивление внутренней и внешней оппозиции, трансформироваться в сторону большей либерализации и светскости, что не снимает с повестки дня рост региональных и глобальных вызовов в регионе Центральной Азии.

Ключевые слова: Иран, Центральная Азия, внутривнутриполитический кризис, геополитическая борьба, вызовы и угрозы

Для цитирования: Юлдашева Г.И. Иранский кризис (дек. 2025 – март 2026) и его влияние на Центральную Азию. *Восток (Oriens)*. 2026. № 4. С. 105–117. DOI: 10.31696/S086919080039162-5

IRANIAN CRISIS (DECEMBER 2025 – MARCH 2026) AND ITS IMPACT ON CENTRAL ASIA

© 2026

Guli I. YULDASHEVA ^a

^a – Coordination-Methodical Center on Contemporary History of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
ORCID: 0000-0001-9979-0329; guli_57@mail.ru

Abstract: *The article investigates main reasons and factors of the crisis in and around Islamic Republic of Iran in December 2025–March 2026, the current war against Iran started by the US and Israel, its political and economic outcomes and influence on Central Asia. In the complex international situation, being on the edge of the global catastrophe, there is no unified position on Iran's future. The future new world order depends on the crisis outcome and interested powers' strategies. Special attention is paid therefore to interaction and mutual influence of various factors in Iran's development, including its ethno-national, historical, cultural, religious and economic development features. It is stated that the problem of survival and further consolidation of the Islamic regime after the war, in conditions of the continuing long-term mass discontent with the country management, will inevitably require acceleration and deepening of the transformation process, the ruling regime's shift towards greater openness and secularism. In any case, CA countries face a multitude of economic and political problems with a negative potential impact on the current state and prospects of regional development. The selected methods include systemic strategic, constructivist, and economic approaches based on empirical data. The subject of analysis during the period under study, the latest data and theoretical approaches, multi-level approach define the article's originality. The findings demonstrate that the Islamic regime is still fairly stable and capable of resisting internal and external opposition, transforming toward greater secularization. This does not remove the issue of growing regional and global challenges in Central Asia.*

Keywords: Iran, Central Asia, crisis, geopolitical struggle, challenges

For citation: Yuldasheva G.I. Iranian Crisis (December 2025 – March 2026) and its Impact on Central Asia. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 105–117. DOI: 10.31696/S086919080039162-5

События в Иране и вокруг него в период с декабря 2025 по март 2026 г. развиваются на фоне чрезмерного обострения геополитической конкуренции великих держав, где роль одной из крупнейших ближневосточных стран – Исламской Республики Иран с её геостратегическим расположением, энергоресурсами, демографическим потенциалом и влиянием в исламском мире имеет огромное значение в построении будущего миропорядка. Данное обстоятельство определяет интерес и поведение в этой части мира глобальных держав, каждая из которых стремится вовлечь Иран в сферу своего влияния. Остроту ситуации прибавляет нерешённость большинства ближневосточных проблем (Газа, Сирия, Ирак, Йемен и др.), кризис международной системы безопасности, рост активности исламистских движений, что влияет на постсоветские регионы, включая Центральную Азию.

Изучение такого масштабного переплетения внутреннего и международного кризисов требует более детального, многомерного исследования. Главной целью данной статьи поэтому является выявление основных причин, факторов и мотивов внутривосточной ситуации в Иране начала 2026 г. в их взаимосвязи с внешними факторами, причинами и

характером текущей американо-израильской войны против Ирана, последствия и влияние этих событий на регион Центральной Азии. Подобный комплексный подход требует учета особенностей этно-национальной, историко-культурной и религиозной идентичности, экономического развития страны.

Автор считает, что проблема выживания и дальнейшего упрочения исламского режима после завершения войны и в условиях сохраняющегося длительного недовольства масс методами правления страны неизбежно потребует ускорения и углубления процесса преобразований, движения правящего режима в сторону большей светскости. Скорость и динамика данного процесса будет зависеть от итогов конструктивного диалога между правительством и народом Ирана. В любом случае страны Центральной Азии (ЦА) сталкиваются со множеством экономических и политических проблем с негативным потенциалом воздействия на нынешнее состояние и перспективы развитие региона ЦА.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Характер и причины разворачивающихся на Ближнем Востоке многолетних конфликтов достаточно широко освещались в научно-аналитической литературе.

В частности, Д. Гёчер полагает, что прежде всего нужно различать революционные ситуации и их результаты, типы революционных изменений, внутренние и международные факторы. Она призывает расширить арсенал используемых исследовательских инструментов и включить международное измерение как составную часть процесса, способного частично объяснить динамику революционной повестки [Göçer, 2013].

О необходимости многоуровневого подхода и применения стратегического анализа внешней политики, взаимодействия исторического подхода с положениями структурного реализма пишет и другой зарубежный исследователь Ф. Даббах Допуская войну как средство обеспечения коллективной безопасности, он вместе с тем требует институциональных механизмов мобилизации силы, интернационализации общих принципов, которые должны соблюдаться всеми государствами [Dabbagh, 2025].

Со своей стороны, В.М. Ахмедов [Ахмедов, 2024, с. 10, 12, 15, 16] подчеркивает значимость именно национальных интересов, а не характера правящего режима в формировании внешней политики на Ближнем Востоке, роль идеологии иранизма в Исламской Республике. Внешние угрозы зачастую вели к укреплению власти центра и консолидации элит в вопросах обеспечения безопасности государства.

Наряду с этим в странах Содружества независимых государств (СНГ) наблюдается отход от позиции отождествления таких протестных движений с так называемыми «цветными революциями», «рукой Вашингтона». В итоге подобных революций «демократизация Большого Ближнего Востока» не была осуществлена – на смену пришли ещё более нестабильные режимы [Ланцов, 2013, с. 146, 156], в ряде стран усилились позиции исламистов, обострились региональные проблемы [Elfatih, Salam, 2015, с. 137, 138].

В продолжение темы группа российских авторов [Гринин и др., 2016, с. 8–12] увязывают события в Арабском мире с серьёзными диспропорциями в развитии общества, возникшими в результате ускоренной модернизации.

Проблемы значимости в мире сложившихся единых норм и правил, трансформации глобального порядка поднимает ряд других исследователей [Шевелёв, 2020, с. 27–36; Seevan, 2025]. Параллельно изучается роль так называемых «жидких» альянсов в современной геополитике [Katz, 2025].

Анализ итогов 12-дневной июньской войны 2025 г. Ирана с Израилем и США, ведёт группу исследователей к выводу о том, что конфликт с Ираном фактически истощил ре-

сурсы Запада и ослабил его. Война расширила в конечном счете стратегические умения и адаптацию Ирана на национальном уровне, что ведет к эволюции доктрины обороны Исламской Республики [Farnia, 2025; Bahrami, 2025; Jamshidi, Mohammadi, 2025].

Таким образом, последние исследования ближневосточных кризисов показывают необходимость расширения и углубления методологии исследования при анализе сложных социально-политических явлений, что и учтено в данной статье.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Одной из основных причин антиправительственных демонстраций в Иране конца 2025 – начала 2026 гг. явился многолетний экономический кризис страны, что во многом было связано с неэффективностью самих институциональных основ действующей власти, с неспособностью действовавшего режима решить социально-экономические проблемы страны. Внешние причины связаны с продолжением и ужесточением международных санкций, политикой максимального экономического сдерживания Ирана президента США Д. Трампа, обострением в последние годы всей ближневосточной ситуации. В итоге показатели инфляции в стране за последние пять лет колеблются в пределах 30 – выше 47% (см. рис. 1)¹.

Среднемесячная заработная плата колебалась ещё в начале 2025 г. в пределах 135–200 долл., что явно не достигало базового прожиточного уровня [Iranian Currency, 2025]. Уровень безработицы среди молодежи в Иране с 2011 по 2024 г. в среднем составлял 25,01% [Youth Unemployment, 2026]. Более одной трети населения живёт за чертой бедности [Khamenei Meets, 2025]. К концу 2025 г. инфляция в стране достигла 42,2% в год, а национальная валюта ослабла к доллару до рекордно низкого уровня – её курс составлял 42 050 иранских риалов за доллар [Доллар с начала, 2026]. Неслучайно, протестное движение началось как забастовка торговцев на Большом базаре против роста цен и девальвации риала.

По мере расширения протестов кризис вышел за рамки чисто экономических требований [Inside Iran's, 2026]. Если в 2019 г. критика действий правительства активизировала политику максимального сопротивления санкциям [Yuldasheva, 2025, p. 162–163] и принесла свои, пусть и ограниченные, плоды, достаточные для того, чтобы продолжить развитие ядерной программы, то в условиях новых санкций и обострения международной обстановки в 2026 г. отсутствие чёткой экономической стратегии, её неэффективность поставили Иран на грань политического коллапса.

Действительно, бюджет Ирана был обременён расходами на поддержку различных прокси-сил, боевых организаций типа Хизбалла и ХАМАС, а санкции ООН и США, введённые в октябре 2025 г., привели к снижению экспорта нефти до уровня менее 500 000 баррелей в день к середине января 2026 г. [Frelich, 2026]. Экономический кризис усугубился последствиями Двенадцатидневной войны против Израиля в июне 2025 г., что привело к значительному ущербу для инфраструктуры, ослаблению прокси-союзников и более глубокой экономической изоляции. 12 января 2026 г. Соединённые Штаты ввели новые санкции и рассматривали возможность введения тарифов для стран, торгующих с Ираном. В этой связи президент Ирана Масуд Пезешкиан признал, подразумевая экономические трудности страны: «Я ничего не могу сделать» [Pietromarchi, 2026].

Очевидно, что народ Ирана заинтересован не только в совершенствовании всей системы социально-экономического управления, но и в существенных переменах во внешней политике страны, что могло бы привести к снятию санкций и, соответственно, улучшению

¹ Рис. 1–2 находятся на цветной вклейке.

их уровня жизни. Тем более, что торговля с региональными странами в условиях санкций оказалась не способной удовлетворить потребности Ирана. Отметим лишь наиболее крупных партнеров, чей товарооборот превышает миллиард долларов: Китай с товарооборотом более 13 млрд долл., Турция – около 5,7 млрд долл. Экспорт Ирана в Пакистан – до 1,2 млрд долл., экспорт Ирана в Индию – чуть более 1,05 млрд долл. [Уткина, 2026]. Большинство стран даже из этого списка подвергались различному давлению политики США и были вынуждены действовать с оглядкой на санкции.

Однако к весне 2026 г., несмотря на санкции и продолжение военных действий, Иран почти удвоил свои ежедневные доходы от продажи нефти. В то время, как после закрытия Ормузского пролива Корпусом Стражей Иранской Революции (КСИР) многие страны региона теряют доходы из-за сбоев в логистике, Тегеран успешно адаптировал свою инфраструктуру, перенес финансовый расчет в Азию и привлекая к схемам китайские нефтеперерабатывающие предприятия. С начала марта 2026 г. Иран поставил более 16 млн баррелей нефти, общий объем экспорта через пролив достиг около 24 млн баррелей, доходы Ирана превышают 140 млн долл. в день. Львиная доля этих средств направляется на финансирование КСИР [Иран наращивает, 2026; Голобородько, 2026].

Таким образом, вопреки всем тяготам войны, весной 2026 г. сформировалась позитивная для иранского режима экономическая тенденция в области поставок нефти, что предоставило возможность для укрепления военно-политической силы и связанных с ней жестких консерваторов Ирана.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Дополнительно к сказанному выше, негативно сказалась и концентрация иранской власти на военно-политических вопросах, особенно после 12-дневной войны и широко распространённая в государственном секторе коррупция: Transparency International поставила Иран в 2025 г. на 153-е место из 182 стран в своём Индексе восприятия коррупции [Iran – Corruption, 2026].

Ситуация осложняется продолжением нескончаемого конфликта исламского режима с Соединёнными Штатами и Израилем, что включает их прямое и косвенное вовлечение во внутренние дела Ирана. Неслучайно, антиправительственные протесты в Иране охватили более 170 городов во всех 31 провинциях страны [Ли, 2026]. Доминирующими лозунгами демонстрантов выступили лозунги типа «Смерть Аятолле Хаменеи!» и «Ни Пехлеви, ни Хаменеи! Свобода и демократия!». Народ требовал смены режима, установления более либерального, светского, демократического общества. В ответ иранское правительство обвиняло протестующих в сотрудничестве с внешними силами и реализации на деле их внешнего заговора. Число погибших в ходе протестов составляло, по западным оценкам, 30 тыс. человек [Власти Ирана заявили, 2026], по официальным – 3117, из которых 2427 были гражданскими лицами и представителями сил безопасности.

В целом движение, признает большинство экспертов, носило неорганизованный характер, без какой-либо четкой программы действий. В этом очевидно сказываются различия интересов населения Ирана, осложняющие их сплочение в единое целое и выдвижение лидера, способного удовлетворить все запросы населения.

В этно-национальном плане 92-миллионный Иран не един. Азербайджанцы, согласно многим международным отчетам, составляют 35%, курды – 10%, луры – 6%, белуджи, арабы и туркмены – по 2% каждая этническая группа [Рутулли, 2026]. При этом более 61% персов и азеры занимают привилегированное положение в нынешней политической системе страны, президент Ирана М. Пезешкиан относит себя к азербайджанским тюркам, а отец

Аятоллы Хаменеи был этническим азербайджанцем. В таких условиях сильная оппозиция просто исключена.

Оппозиционным потенциалом могли бы, конечно, обладать представители таких нацменьшинств, как курды и белуджи, часть молодого поколения и женщин, стремящиеся к большей личной и политической свободе, что могло быть использовано внешними силами в своих целях. Десятилетия экономических и политических лишений, репрессии и коррупция при исламском режиме привели часть населения к отчуждению от исламской религии. В этой связи часть общества призывает сегодня вернуться к своим историко-культурным истокам – зороастризму. Однако, как показало время, большинство населения не поддержало подобные идеи. Ислам достаточно прочно укоренен в сознании и мировосприятии иранцев, страна до сих пор является одним из неформальных лидеров Организации исламского сотрудничества (ОИС), оказывая серьезное влияние на шиитскую часть исламского мира. Большинство иранцев, как следует из частных бесед автора в 2019 г., мечтают лишь о турецком варианте светской мусульманской страны как наиболее приемлемом для Ирана.

В данном контексте предпринятый правительством диалог с массами и проправительственные демонстрации привели к 16 января 2026 г. к снижению активности протестов. Гордость иранцев своей историей и культурой, в целом своей уникальной идентичностью отодвигает на второй план внутренние разногласия и сплачивает народ в условиях роста внешних угроз.

Тем не менее США не могут полностью отказаться от идеи свержения режима. Во-первых, новое, более послушное правительство не чинило бы препятствий на пути к нефтегазовым ресурсам региона – известная цель Вашингтона со времен первых американских миссий в регион в 1920–1930-х гг. Во-вторых, это позволило бы сформировать ближневосточную модель развития под эгидой США и Израиля. И в-третьих, что приобретает особое значение на нынешнем этапе, – устранить доминирование своего главного геополитического конкурента – Китая, стратегического партнера и главного покупателя нефти Ирана: летом 2025 г. Пекин получил свыше 92% экспорта сырой нефти из Ирана [Ghasseminejad, Taleblu, 2025].

Соответственно, США выступили в поддержку протестующих и нарастили военное присутствие в регионе. Оправданием президентом Д. Трампом последовавших 28 февраля 2026 г. военных действий США и Израиля против Ирана явился «безуспешный» раунд переговоров с Ираном. Лидеры США и Израиля заявили, что операция направлена на устранение угрозы со стороны иранского режима и создание условий для перемен в стране [Час вашей свободы, 2026]. В ходе атак погибли высший руководитель Аятолла Али Хаменеи и ряд высокопоставленных лиц Ирана. В ответ Иран провёл серию ракетно-дроновых ударов по Израилю и по американским базам, находящимся на территории арабских стран региона. События развиваются в нарушение международного права и принципов международной жизни [The Guardian View, 2026], на фоне растущей оппозиции войне против Ирана – 52% американцев, согласно экспресс-опросу, проведенному Washington Post, и 59%, согласно опросу CNN, не одобряют решение о начале войны [Bailey, 2026].

Очевидно, что большинство государств мира имеют свои геополитические и экономические интересы, связанные с Ираном, и не заинтересованы в нагнетании конфронтации и региональной нестабильности. Так, помимо партнерства с Китаем, Иран 17 января 2025 г. подписал Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве с Россией [Что происходит в Иране, 2026].

Однако у соседних государств Персидского залива, прежде заинтересованных в конструктивном партнерстве с Ираном, растут опасения как по поводу сотрудничества с США, так и по поводу продолжающихся атак Ирана на военно-политические объекты США,

расположенные на их территории. Причина в том, что, наряду с военными объектами США, иранские удары наносились по транспортной и топливно-энергетической инфраструктуре, отдельным жилым районам. Одновременно перекрытие КСИР Ормузского пролива привело, по словам экспертов, к ежедневным потерям в экспорте нефти от 700 млн до 1,2 млрд долл. [Худший кошмар, 2026].

Как следствие, 11 марта Совет Безопасности ООН принял резолюцию, одобренную 13 из 15 голосов членов Совбеза, с требованием немедленно прекратить атаки Ирана на государства в Персидском заливе, представляющие «серьезную угрозу глобальному миру и безопасности». Резолюцию внесли страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива – Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Кувейт, Оман, Катар и Бахрейн — вместе с Иорданией [Хайдаралиев, 2026]. В качестве условий для завершения конфликта Иран требует от США компенсаций за нанесенный ущерб и вывода американских сил из зоны Персидского залива [В Иране назвали, 2026].

Таким образом, внутренняя ситуация в Иране в рассматриваемый период тесно взаимосвязана с ближневосточной политикой США и Израиля, что спровоцировало начало ирано-американо-израильской войны с частичным охватом территории стран Персидского Залива и вовлеченностью здесь интересов других региональных акторов.

ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

События, связанные с Ираном, несомненно, оказывают свое влияние на регион Центральной Азии в силу территориальной, исторической и религиозно-культурной близости, переплетения общих экономических и политических интересов, проблем региональной безопасности. Однако, несмотря на это, центральноазиатские страны изолированы от территории военных действий и сохраняют нейтралитет в соответствии со своими внешнеполитическими концепциями о неприсоединении к каким-либо военным союзам и блокам (например, Узбекистан), запрещающим размещение зарубежных военных баз на территории региона. Препятствуют этому также низкий уровень экономических и других контактов вследствие продолжения международных санкций и незавершенности транспортных проектов, нестабильность в Афганистане и, безусловно, трудности самих развивающихся государств региона.

Однако страны ЦА и Иран принадлежат к общей исламской умме, исповедуют общеисламские ценности и имеют общие подходы к ближневосточной политике США и Израиля. При этом такие идеологические различия, как секуляризм/фундаментализм и шииты/сунниты, не играют особо серьезной роли в отношениях стран ЦА с Ираном. Тем не менее общие ирано-центральноазиатские интересы подвергаются сегодня серьезным вызовам.

Геополитическая нестабильность. Большинство вызовов вызвано геополитической неопределённостью, что связано как с ослаблением международного статуса США, имидж которых существенно пострадал от поддержки ближневосточной политики Израиля и роста напряжённости в отношениях с ЕС, так и с хрупкостью существующих союзов и альянсов государств. Иран и страны ЦА оказываются по разные стороны геополитической «баррикады»: в то время, когда Тегеран вступил в войну с Соединёнными Штатами и Израилем, Казахстан и Узбекистан вошли в январе 2026 г. в Совет Мира, созданный президентом Д. Трампом, якобы для урегулирования ближневосточных проблем. На деле данная инициатива была выдвинута в преддверии атак на Иран с целью заручиться финансовой и иной поддержкой зависимых от Вашингтона мусульманских государств, составляющих 10 из 19 членов Совета, и реализации идеи о Большом Ближнем Востоке, подконтрольном Израилю

и США. Данное обстоятельство вызывает определенное напряжение в отношениях Ирана и государств ЦА.

Потенциал ядерной войны. Широкомасштабный военный конфликт и геополитическая напряжённость создают все условия для ядерной катастрофы. Тем более, что в Иране и во многих других странах региона, подвергшихся военным атакам, есть ядерные объекты [Кризис вокруг Ирана, 2026] или используются ядерные технологии.

Терроризм. Усиленная геополитическая конкуренция и соперничество держав будут также подпитывать благоприятную среду для развития терроризма [Gunaratna, 2026]. В частности, атаки «Техрик-и-Талибан Пакистан» (ТТП) уже привели к войне между Афганистаном и Пакистаном.

Рост миграции. Война против Ирана вызывает неконтролируемый рост миграции, которая может достигнуть около 30 млн чел., это станет крупнейшим миграционным кризисом в мире со времен Второй мировой войны [Шустов, 2026]. В Центральной Азии наряду с сохраняющимся потоком миграции из Афганистана [Azizi, 2025] есть риск проникновения мигрантов из соседнего с Ираном Туркменистана. В результате в соседних с Ираном регионах может возникнуть острейший гуманитарный кризис с угрозами их экономическому благополучию и общественно-политической стабильности.

Торговля наркотиками. Накопленные запасы конфискованного ранее Тегераном героина могут попасть на мировой рынок, а через порты Бендер-Аббас или Бушер – в любую точку мира [Осколкова, 2026]. Тегеран вряд ли будет способен, как прежде, оказать помощь странам ЦА в борьбе с этой угрозой.

Проблемы с транспортными проектами. Агрессия против Ирана создает риски для всей евразийской транспортной системы. В частности, приостановлены на неопределенный срок индо-иранский проект Чабахор, транспортный коридор Север-Юг, строительство Трансафганской железной дороги, коридоры Узбекистан-Афганистан-Пакистан и Узбекистан-Туркменистан-Иран-Оман. В итоге экономические маршруты из Центральной Азии могут опираться лишь на спонсируемые Китаем коридоры из Пакистана и маршруты через Россию.

Рост влияния Китая и России – Конфликт усиливает позиции в регионе Китая и России, как реальных экономических партнеров, чья позиция по ближневосточному кризису близка с позицией республик ЦА.

Особую роль в этой связи выполняет Китай, чьи интересы и наличие соответствующих ресурсов для выстраивания южных маршрутов очень важны для ЦА в нынешних условиях. Пекин строит железнодорожный терминал в Серахсе на границе между Туркменистаном и Ираном, что, по ожиданиям, ускорит контейнерные перевозки по маршрутам Китай – Центральная Азия – Иран – Турция – ЕС и через Персидский залив [Григорьев, 2026]. Торговля Узбекистана и Китая в 2025 г. уже достигла 17,8 млрд долл. [Налбантов, 2026]. Россия сохранила достаточно сильные позиции в Казахстане, 80% казахстанского экспорта нефти идет через российский Каспийский трубопроводный консорциум [Давлатов, 2026], она остается вторым после Китая торговым партнером Узбекистана.

Рост регионализма в ЦА. Текущие риски и вызовы региону способствуют тенденции углубления процессов центральноазиатского регионализма, формированию субъектности региона ЦА в международной политике [Таджиев, 2026].

Таким образом, война США и Израиля с Ираном вызывает в Центральной Азии ряд серьезных экономических и политических проблем. В целом весь рассмотренный регио-

нальный процесс и его последствия можно представить в следующей упрощенной форме (см. рис. 2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренная в Иране ситуация объясняется, во-первых, объективно неизбежными проблемами развивающейся страны, существенно ограниченной в своих возможностях международными санкциями. Во-вторых, вмешательством и давлением извне США и Израиля, заинтересованных, пользуясь внутренним кризисом власти в Иране и нестабильной международной ситуацией, осуществить здесь смену власти в интересах построения в будущем Большого Ближнего Востока под эгидой Израиля и США. Такой итог означал бы победу США в геополитическом сражении с Китаем и Россией, закрепление глобального лидерства США в новом формате. Следовательно, влияние внешних факторов на ситуацию в Иране явно превышает воздействие внутренних факторов развития страны и во многом определяют итоги данного процесса.

Вместе с тем как американо-израильские военные операции, так и действия явно малочисленной оппозиции исламскому режиму проявили определенную неподготовленность и неорганизованность, что обрекает их на неудачи. В результате, как и в прошлом, пошатнувшееся было влияние жестко консервативных кругов в Тегеране только усилилось в результате вмешательства США, что затрудняет начало переговорного процесса и свидетельствует о живучести в Иране религиозных устоев.

В этой связи и с учетом разрастания масштабов региональной войны можно ожидать в пессимистическом сценарии глобальный хаос и начало третьей мировой войны с непредсказуемыми итогами для всего мира.

В оптимистическом сценарии, все ещё возможном с учетом прагматизма и рационализма большинства держав, есть потенциал для организации переговорного процесса с достижением консенсуса между Ираном, США и Израилем, приемлемого баланса интересов вовлеченных сторон. В этом случае исламский режим может сохраниться. Однако ясно, что необходимость после завершения войны сохранить и далее упрочить исламский режим в условиях сохраняющегося многолетнего недовольства масс методами правления страны неизбежно потребует ускорения процесса преобразований, движения правящего режима в сторону большей открытости и светскости. В своё время покойный Хаменеи был вынужден учесть настроения масс и допустить к власти ряд реформаторов типа М. Пезешкиана, что свидетельствует о том, что в стране еще есть прагматично мыслящие лидеры, в том числе и в рядах КСИР — большинство иранской элиты имеет за плечами западное образование, к тому же опыт прошлого англо-американского присутствия в Иране повлиял на распространение в стране элементов западной культуры. Предположительно поэтому процесс в сторону светскости будет развиваться параллельно с ростом усиления роли КСИР и милитаризации экономики как инструмент «мягкой силы» внутри страны и способ окончательно стабилизировать страну дозированными либеральными мерами.

В случае недостижения компромисса воюющих сторон, но при условии исключения ядерной катастрофы, вполне вероятно затяжная региональная война.

Даже при оптимистическом сценарии страны ЦА сталкиваются со множеством экономических и политических проблем с негативным потенциалом воздействия на развитие региона Центральной Азии, что вызывает ответный рост регионализма и субъектности региона ЦА. Надёжное партнерство ожидается лишь со стороны Китая и России. При этом активность в регионе Китая логически предусматривает вовлечение ЕС как конечного пункта планируемых коридоров.

В теоретическом плане можно добавить следующие выводы:

- подтверждается необходимость расширения и углубления методологического инструментария, учета комплекса внутренних и внешних факторов при проведении исследований регионов стратегического значения;
- специфика ближневосточных конфликтов в немалой степени определяется наряду с социально-экономическими и политическими причинами и факторами национальной, историко-культурной и религиозной идентичности, значимостью национальных интересов страны;
- в условиях ужесточения геополитической конкуренции наблюдается, о чём свидетельствуют события в Иране, происходит активное вовлечение внешних сил в организацию и поддержку анти-правительственных протестов;
- глобальный порядок трансформируется, но будущее трудно прогнозировать в силу отсутствия единого центра силы, признаваемого всеми государствами системы международных отношений и слабости существующих союзов.

Наиболее востребованным в этих условиях остается коллективный международный подход к решению регионально-глобальной ситуации. С этой целью было бы плодотворно наладить сотрудничество в области безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества, между исламскими государствами и странами ЦА, и начать переговорный процесс между США, Россией и Китаем о путях приемлемого для всех выхода из сложившейся ситуации.

СОКРАЩЕНИЯ/ABBREVIATIONS

ОИС – Организация исламского сотрудничества [OIS – Organization of Islamic Cooperation].

КСИР – Корпус стражей исламской революции [Islamic Revolutionary Guard Corps]

СНГ – Содружество независимых государств [SNG – Commonwealth of Independent States].

ТТП – Техрик-и-Талибан Пакистан [TTP – Tehrik-i-Taliban Pakistan].

ЦА – Центральная Азия [CA – Central Asia].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Ахмедов В.М. Сирийско-иранский альянс в контексте политики Ирана на Ближнем Востоке. *Ближний и Постсоветский Восток*. 2024. № 2(6). С. 7–34 [Akhmedov V.M. Syria-Iran Alliance in Context of Iran's Politics in the Middle East. *Middle & Post-Soviet East*. 2024. No. 2(6). Pp. 7–34 (in Russian)].

В Иране назвали условия завершения конфликта. *РИА Новости*. 14.03.2026 [Iran Named the Conditions to End the Conflict. *RIA Novosti*. 14.03.2026 (in Russian)]. <https://ria.ru/20260314/iran-2080658230.html> (accessed: 14.03.2026).

Власти Ирана заявили о более 3000 погибших во время протестов. *Gazeta.uz*. 23.01.2026 [Iranian Authorities Declared More than 3,000 Deaths During the Protests. *Gazeta.uz*. 23.01.2026 (in Russian)]. <https://www.gazeta.uz/ru/2026/01/23/iran-protests> (accessed: 01.24.2026).

Голобородько Я. Иран удвоил доходы от продажи нефти в условиях войны. *Minfin.com.ua*. 31.03.2026 [Goloborodko Y. Iran Doubled Oil Revenues Amid War. *Minfin.com.ua*. 31.03.2026 (in Russian)]. <https://minfin.com.ua/2026/03/31/171041722/> (accessed: 04.04.2026).

Григорьев А. Агрессия против Ирана выбивает ключевое звено евразийских транспортных коридоров. *Centrasia.org*. 02.03.2026 [Grigoryev A. Aggression against Iran Knocks out a Key Link of Eurasian Transport Corridors. *Centrasia.org*. 02.03.2026 (in Russian)]. <https://centrasia.org/newsA.php?st=177240744002.03.2026> (accessed: 03.11.2026).

Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. Изд. 2-е. М.: «Учитель», 2016 [Grinin L.E., Isaev L.M., Korotaev A.V. *Revolutions and Instability in the Middle East*. Second ed. M.: “Uchitel”, 2016 (in Russian)].

Давлатов А. Исторический шанс Узбекистана. *Daryo.uz*. 09.02.2026 [Davlatov A. Uzbekistan’s Historical Chance. *Daryo.uz*. 09.02.2026 (in Russian)]. <https://daryo.uz/ru/2026/02/09/istoricheskiy-shans-uzbekistana> (accessed: 03.11.2026).

Доллар с начала 2026 года вырос на рынке Forex к валюте Ирана на 2300%. *TradingView*. 12.01.2026 [Since the Beginning of 2026, the Dollar Has Risen by 2300% against the Iranian Currency on the Forex Market. *TradingView*. 12.01.2026 (in Russian)] <https://ru.tradingview.com/news/rbc:b8d347cb767b8:0/> (accessed: 01.19.2026).

Иран наращивает экспорт нефти через Ормуз. *Trtrussian.com*. 18.03.2026 [Iran is Increasing Oil Exports Through Hormuz. *Trtrussian.com*. 18.03.2026 (in Russian)] <https://www.trtrussian.com/article/a390759312a7> (accessed: 04.04.2026).

Кризис вокруг Ирана: МАГАТЭ призывает к сдержанности на фоне продолжающихся ударов. *ООН*. 02.03.2026 [Crisis around Iran: the IAEA Calls for Restraint Amid Ongoing Attacks. *UN*. 02.03.2026 (in Russian)]. <https://news.un.org/ru/story/2026/03/1467461> (accessed: 04.04.2026).

Ланцов С.А. Революционные процессы на Ближнем Востоке: социально-политические механизмы и геополитические последствия. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2013. Т. 9. № 1. С. 144–159 [Lantsov S.A. Revolutionary Processes in the Middle East: Social and Political Mechanisms and Geopolitical Consequences. *Political Expertise: POLITEX*. 2013. Vol. 9. No. 1. Pp. 144–159 (in Russian)].

Ли И. Протесты в Иране в январе 2026 года: 170 городов, обвал риала и кризис режима. *Новые Известия*. 09.01.2026 [Li I. Protests in Iran in January 2026: 170 Cities, Rial Collapse, and Regime Crisis. *Novye Izvestia*. 09.01.2026 (in Russian)]. <https://clck.ru/3URZUd> (accessed: 01.19.2026).

Налбантов Р. Узбекистан и Китай планируют довести взаимную торговлю до 20 млрд. долларов. *Daryo.uz*. 04.03.2026 [Nalbantov R. Uzbekistan and China Plan to Increase Mutual Trade to \$20 Billion. *Daryo.uz*. 04.03.2026 (in Russian)] <https://daryo.uz/ru/2026/03/04/uzbekistan-kitaj-torgovjy-oborot-proekty> (accessed: 03.11.2026).

Осколкова З. Конфликт на Ближнем Востоке может привести к героиновому буму на планете. *Newdaynews.ru*. 10.03.2026 [Oskolkova Z. The Conflict in the Middle East Could Lead to a Heroin Boom on the Planet. *Newdaynews.ru*. 10.03.2026 (in Russian)] <https://newdaynews.ru/inworld/870967.html> (accessed: 03.16.2026).

Рутулли К. Сколько азербайджанцев проживает в Иране? *Modern.az*. 18.01.2026 [Rutullu K. How Many Azerbaijanis Live in Iran? *Modern.az*. 18.01.2026 (in Russian)] <https://modern.az/ru/diaspor/558874/skolko-azerbaydzhancev-prozhivaet-v-irane/> (accessed: 01.19.2026).

Таджиев Ш. Центральная Азия: в какой динамике живёт регион и как удерживает свою стабильность? *Gazeta.uz*. 03.03.2026 [Tadjiev S. Central Asia: What Dynamics the Region Lives in and How it Maintains its Stability? *Gazeta.uz*. 03.03.2026 (in Russian)] <https://www.gazeta.uz/ru/2026/03/03/regional-order-ca> (accessed: 19.04.2026).

Уткина М. Что случилось с экономикой Ирана: как санкции привели Иран к протестам? *Вестник Кавказа*. 18.01.2026 [Utkina M. What Happened to Iranian Economy: How Did Sanctions Lead Iran to Protests? *Vestnik Kavkaza*. 18.01.2026 (in Russian)] <https://vestnikavkaza.ru/articles/cto-slucilos-s-ekonomikoj-irana-kak-sankcii-priveli-iran-k-protestam.html> (accessed: 19.01.2026).

Хайдаралиев А. Совбез ООН потребовал от Ирана прекратить атаки на страны Персидского залива. *Kun.uz*. 12.03.2026 [Khaidaraliev A. The UN Council Demanded that Iran Stop Attacks on Persian Gulf Countries. *Kun.uz*. 12.03.2026 (in Russian)]. <https://kun.uz/ru/news/2026/03/12/sovbez-oon-potreboval-ot-irana-prekratit-ataki-na-strany-persidskogo-zaliva> (accessed: 04.04.2026).

Худший кошмар: Страны Персидского залива отдуваются за войну, которую не они начали. *EADaily.com*. 14.03.2026 [The Worst Nightmare: Persian Gulf Countries Are Being Held Accountable for

the War they Didn't Start. *EADaily.com*. 14.03.2026 (in Russian)] <https://eadaily.com/ru/news/2026/03/14/hudshiy-koshmar-strany-persidskogo-zaliva-otduvayutsya-za-voynu-kotoruyu-ne-oni-nachali> (accessed: 15.03.2026).

Что происходит в Иране в 2026 году: последние новости, протесты, отношения с Россией и США. *Life.ru*. 17.01.2026 [What is Happening in Iran in 2026: Latest News, Protests, Relations with Russia and the USA. *Life.ru*. 17.01.2026 (in Russian)] <https://life.ru/p/1830877> (accessed: 01.18.2026).

“Час вашей свободы близок”. Трамп обратился к народу и военным Ирана. *Tengrinews.kz*. 28.02.2026. [“The Hour of Your Freedom is Near” Trump Addressed the People and the Military of Iran. *Tengrinews.kz*. 28.02.2026] https://tengrinews.kz/world_news/chas-vashey-svobodyi-blizok-tramp-obratil-sya-narodu-voennyim-593697/ (accessed: 03.01.2026).

Шевелёв Д.Л. Ближний Восток и системы международных отношений: принципы, хронология, теории. *Журнал международного права и международных отношений*. 2020. № 1–2(92–93) [Shevelev D.L. The Middle East and the Systems of International Relations: Principles, Timeline, Theories. *Journal of International Law and International Relations*. 2020. No. 1–2(92–93) (in Russian)].

Шустов А. Какие страны пострадают от притока иранских беженцев, если начнется их исход. *Ritmeurasia.ru*. 13.03.2026 [Shustov A. Which Countries Will Suffer from the Influx of Iranian Refugees if Their Exodus Begins. *Ritmeurasia.ru*. 13.03.2026 (in Russian)] <https://www.ritmeurasia.ru/news--2026-03-13--kakie-strany-postradajut-ot-pritoka-iranskih-bezhencev-esli-nachnetsja-ih-ishod-86422> (accessed: 01.12.2026).

Azizi A. Iran Plans to Relocate Afghan Migrants from Semnan Province by 2026. *Amu.tv*. 01.05.2025. <https://amu.tv/148742/> (accessed: 01.18.2026).

Bahrami Z. National Integration and Identity: The Impact of the 12-Day War on the Iranian People. *Middle East Critique*. Abstract. Pp. 837–843. 06.11.2025. <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/19436149.2025.2576350> (accessed: 04.04.2026).

Bailey Ph. M. Trump's War in Iran Polls Badly, but will it Hurt Republicans in 2026? *USA TODAY*. 03.05.2026. <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2026/03/05/will-iran-war-hurt-republicans-2026-elections/88948398007/> (accessed: 03.18.2026).

Dabbagh F.N. Strategizing Foreign Policy Analysis of the Current Middle East Crisis. *Open Access Library Journal*. 2025. 12: e12905. <https://doi.org/10.4236/oalib.1112905> (accessed: 04.04.2026).

Elfatih A. Abdel S. The Arab Spring: Its Origins, Evolution and Consequences... Four Years on. *Intellectual Discourse*. 2015. No. 1(23). Pp. 119–139.

Farnia N. The 12-Day War and the Collapse of US Imperialism. *Middle East Critique*. 2025. No. 4 (34). Pp. 791–795.

Frelich A. The Situation in Iran 2025–2026: an Analysis. *Milmag*. 01.17.2026. <https://milmag.pl/en/the-situation-in-iran-2025-2026-an-analysis> (accessed: 01.19.2026).

Ghasseminejad S., Taleblu B. Despite War and Sanctions, Iran's Oil Exports Surge. *The Hill*. <https://thehill.com/opinion/national-security/5425710-despite-war-and-sanctions-irans-oil-exports-surge/> (accessed: 01.16.2026).

Göçer D. A. Theories of Revolutions and Arab Uprisings: The Lessons from the Middle East. *Ortadoğu Etütleri*. Jan. 2013. Vol. 4. No. 2. Pp. 85–110.

Gunaratna R. CO26001. Global Terrorism Forecast 2026. *S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS)*. 01.05.2026. <https://rsis.edu.sg/rsis-publication/rsis/global-terrorism-forecast-2026/> (accessed: 01.17.2026).

Inside Iran's Economic Meltdown Currency Collapse: Infection and Social Unrest. *Investing.com*. 01.14.2026. <https://www.investing.com/analysis/inside-irans-economic-meltdown-currency-collapse-inflation-and-social-unrest-200673212> (accessed: 01.18.2026).

Iran – Corruption Perception Index. *Transparency International*. 2026. <https://www.transparency.org/en/countries/iran> (accessed: 01.20.2026).

Iran Inflation Rate. *Macrotrends*. 2026. <https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/irn/iran/inflation-rate-cpi> (accessed: 01.19.2026).

Iran Inflation Rate. *Trading Economics*. 2026. <https://tradingeconomics.com/iran/inflation-cpi> (accessed: 01.19.2026).

Iranian Currency Hits Record Low after Khamenei Rejects US Talks. *Iranintl.com*. 02.08.2025. <https://www.iranintl.com/en/202502089494> (accessed: 01.17.2026).

Jamshidi M., Mohammadi M. *Resetting Deterrence: The Evolution of Iran's Defense Doctrine Following the 12-Day War*. Abstract. Pp. 797–802. 11.11.2025.

Katz Y. A Decade of Change in Middle Eastern Geopolitics. *Athens Journal of Politics & International Affairs*. June 2025. Vol. 1. Iss. 2. Pp. 163–178.

Khamenei Meets Hamas Leaders, Doubles Down on Anti-US Stance. *Iranintl.com*. 02.08.2025. <https://www.iranintl.com/en/202502085038> (accessed: 02.10.2026).

Seevan S. The Crises in the Middle East: Reshaping the Region's Geopolitical Landscape and Altering the Global order. *Asian Review of Political Economy*. 2025. No. 1(4).

The Guardian View on the Iran War and International Law: it's Worse than a Mistake; it's a Crime. *The Guardian*. 03.13.2026. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2026/mar/13/the-guardian-view-on-the-iran-war-and-international-law-its-worse-than-a-mistake-its-a> (accessed: 03.18.2026).

Youth Unemployment Rate in Iran. *Trading Economics*. 2026. <https://ru.tradingeconomics.com/iran/youth-unemployment-rate> (accessed: 01.19.2026).

Yuldasheva G.I. Economy as an Essential Part of Current Politics in the Islamic Republic of Iran (November-December 2019). *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 1. Pp. 157–169.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮЛДАШЕВА Гули Исматуллаевна – доктор политических наук, профессор, старший научный сотрудник Координационно-Методического Центра новейшей истории Узбекистана при АН РУз, Ташкент, Узбекистан.

Guli I. YULDASHEVA, DSc (Political Sciences), Professor, Coordination-Methodical Center on Contemporary History of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan.

Иллюстрации к статье Г.И. Юлдашевой

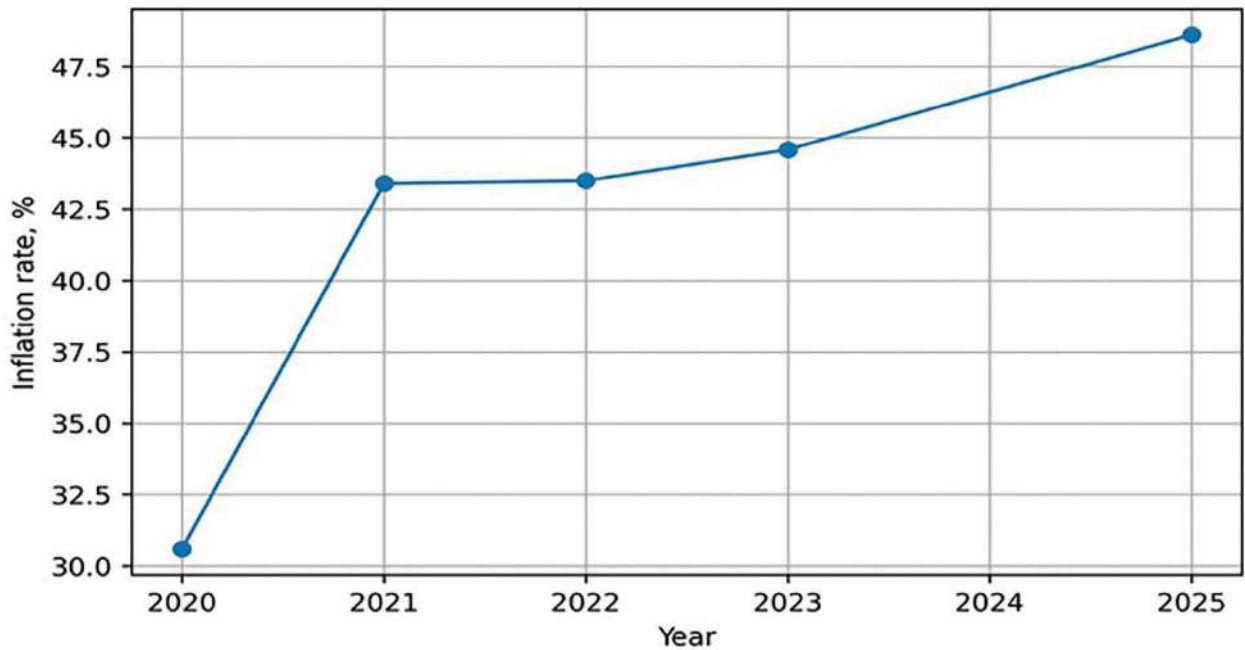

Рис.1. Уровень инфляции в Иране (2020–2025, Октябрь, в %).
Источник: [Macrotrends, 2026; Trading Economics, 2026].
Fig. 1. Level of inflation in Iran (2020–2025, October, %).
Source: [Macrotrends, 2026; Trading Economics, 2026].

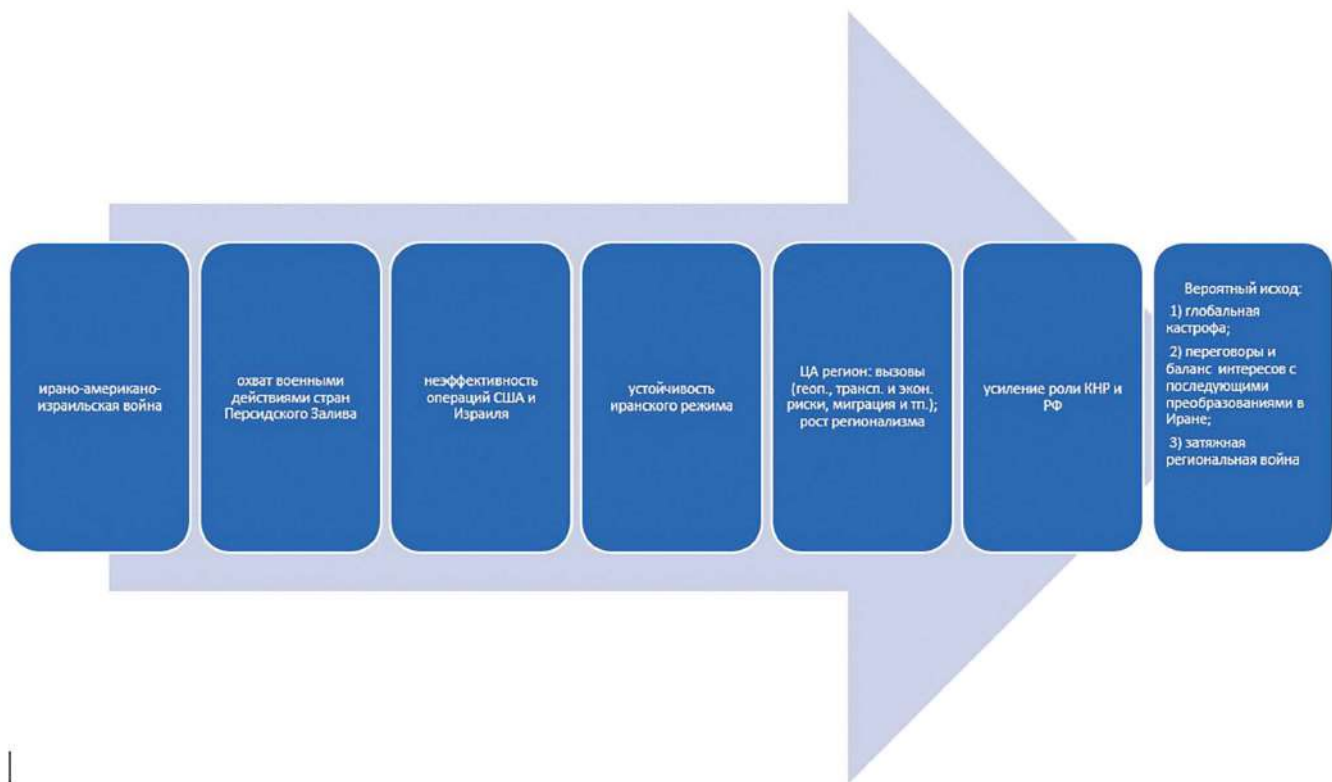

Рис. 2. Региональный процесс, связанный с войной против Ирана, возможные последствия.
Источник: подготовлено автором.
Fig.2. Regional process around the war against Iran. Possible outcomes.
Source: Prepared by the author.